

ПУШКИНОДОМЦЫ В БОРЬБЕ ЗА БУНИНСКОЕ НАСЛЕДСТВО. К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ АКАДЕМИЧЕСКИХ УЧЕНЫХ И СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ В 1960-е ГОДЫ

Интерес ученых Пушкинского Дома к личности и творчеству Ивана Алексеевича Бунина, к судьбе его архива и мемориальных предметов проявился еще при жизни В. Н. Буниной. В октябре 1960 года научные сотрудники ИРЛИ Л. Н. Назарова, Т. П. Голованова и Е. И. Кийко навестили в Париже В. Н. Муромцеву-Бунину и Л. Ф. Зурова.¹ Встреча была теплой, жена писателя показала его кабинет, подарила несколько фотографий. Назарова впоследствии делилась своими впечатлениями: «...наглядно проступала нужда во всем, чего касался глаз. Вера Николаевна и не скрывала этого: пенсии, на которую они жили вместе с Л. Ф. Зуровым, не хватало, проблемой были даже почтовые марки для переписки с друзьями».² Между участниками встречи завязалось дружеское общение. «Мы переписывались, старались помочь, чем могли — словом участия, посылками интересующих ее статей и книг. Однажды послали с кем-то из отъезжающих буханку ржаного хлеба, — вспоминала Назарова. — Мы хлопотали и об увеличении пенсии Вере Николаевне, обратились с письмом о положении вдовы Бунина в Союз писателей...».³

Людмила Николаевна Назарова (1910–2005), историк русской литературы, библиограф и мемуарист, проработала в ИРЛИ более тридцати лет, с 1960 года возглавляла Тургеневскую группу. Она проявляла интерес к литературе эмиграции, вела переписку со многими деятелями русского зарубежья. Несомненна ее заслуга в возвращении в российское пространство запрещенных в советское время имен. Вернувшись из Франции, Назарова предприняла ряд важных шагов. Предметом ее заботы стали трудное материальное положение Буниной, издание ее книг в СССР и судьба архива писателя. Эти вопросы она обсуждала с И. Л. Андрониковым, Л. И. Раковским, И. С. Соколовым-Микитовым: «Иракий Луарсабович обещал поговорить в Гослитиздате о переиздании „Жизни Бунина“ и сходить к Фурцевой относительно архива Бунина и положения Веры Николаевны <...> 1 декабря на Ученом совете я расскажу о поездке и о Вере Буниной и архиве, а Кийко покажет киноплёнку нашей поездки».⁴

В письме к министру культуры Е. А. Фурцевой от 27 ноября 1960 года (см. Приложение 1) Назарова выражает опасения за сохранность рукописного наследия классика, поскольку его вдова — престарелый больной человек; обращает внимание на ее бедность и ставит вопрос о возможности возвращения Буниной и Зурова на родину. Благодаря ходатайству Назаровой пенсия Буниной в феврале 1961 года была увеличена. Зуров рассказывал: «...я прочел Вере Николаевне письмо Людмилы Николаевны, обрадовал ее, она улыбнулась. Прочел ей письмо Виктора Андрониковича <Мануйлова>, и это было большое утешение!»⁵

¹ См.: Голованова Т. П., Назарова Л. Н. 1) В парижской квартире Буниных // Лит. наследство. 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 440–444; 2) Парижские встречи с далеким и недалеким прошлым // Бунинский сборник. Материалы науч. конф., посвященной столетию со дня рождения И. А. Бунина. Орел, 1974. С. 295–307; Назарова Л. Н. Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004. С. 261–265.

² Голованова Т. П., Назарова Л. Н. В парижской квартире Буниных. С. 441.

³ Там же. С. 442.

⁴ Письмо Л. Н. Назаровой к Л. Н. Афонину от 27 ноября 1960 года // ИРЛИ. Ф. 851 (Архив Л. Н. Назаровой). Научно-техническая обработка фонда не закончена, поэтому номера единиц хранения и листов при ссылке на него не приводятся.

⁵ «Сердца открылись...»: Переписка Л. Ф. Зурова и Л. Н. Назаровой (1960–1971) / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. М. Любомудрова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020. С. 610.

Переписывались с Буниной также В. А. Мануйлов и П. П. Ширмаков. В письме от 13 ноября 1960 года Мануйлов предложил ей прислать рукопись новой мемуарной книги («Беседы с памятью») и несколько бунинских рассказов, надеясь организовать их публикацию в России. (Книга, как ответила вдова писателя, еще не готова, и напомнила, что ее мемуары «Жизнь Бунина» планировал переиздать в Москве А. К. Бабореко,⁶ но ему не позволили это сделать). В завершение того же письма Мануйлов задает «смелый и очень важный вопрос: не хотели бы Вы вернуться в Советский Союз?» — и заверяет, что в случае согласия будет сделано «все необходимое».⁷

Известно, что с 1956 года Вера Николаевна начала по частям передавать материалы архива в Советский Союз. Они попадали в специальную комиссию при Союзе писателей, а оттуда — в различные московские хранилища.⁸ Однако, по свидетельству советника посольства во Франции В. И. Ерофеева, «у нее была идея, чтобы в Пушкинском Доме в Ленинграде был отдел Бунина (а она приезжала бы в СССР и наблюдала за его работой)».⁹

Всем этим планам не суждено было осуществиться: 3 апреля 1961 года Бунина скончалась. Владельцем бунинского наследия стал Зуров. Сотрудники Пушкинского Дома старались поддержать оставшегося в одиночестве литератора, присылали подарки. В ходе эпистолярного общения у них сложились самые дружеские, доверительные отношения. В силу открытого характера, душевной доброты Зуров быстро сблизился со своими корреспондентами.¹⁰

Как только Зуров стал обладателем бунинских вещей и архива, к нему стали поступать предложения разных лиц и учреждений об их передаче в Советский Союз. В обсуждение этой темы постепенно оказались втянуты десятки фигур и организаций, а сами переговоры, окончившиеся безрезультатно, растянулись почти на десять лет. Главной причиной неудачи стала позиция высших партийных органов, не пожелавших поддержать приобретение меморий.¹¹

Весьма интересны подробности истории, в которых раскрываются дела и облик представителей российской научной и литературной элиты. И если роль Л. Н. Афонина, а также Бабореко и других столичных деятелей уже освещалась в ряде публикаций,¹² то сотрудники ИРЛИ остаются в незаслуженной тени. Между тем пушкинодомцы были самыми активными участниками кампании по возвращению наследства Бунина на родину. Известно, что одним из первых инициативу по приобретению бунинских меморий проявил директор Государственного музея И. С. Тургенева в Орле Афонин, — он обратился за поддержкой к руководителю Союза писателей К. А. Федину и к министру культуры Фурцевой. Однако побудила его к составлению этих писем именно Назарова. Двух ученых объединял давний интерес к тургеневской

⁶ Бабореко Александр Кузьмич (1913–1999) — литературовед, текстолог, исследователь жизни и творчества Бунина. Начиная с 1956 года переписывался с Буниной, а затем и с Зуровым, который хотел, чтобы для получения наследия Бунина к нему прибыл именно этот ученый. Историю своей несостоявшейся поездки в Париж он описал в книге: *Бабореко А. К. Дороги и звоны: Воспоминания, письма*. М., 1993. С. 98–109.

⁷ ИРЛИ. Ф. 713. Архив В. А. Мануйлова. Научно-техническая обработка фонда не закончена, поэтому номера единиц хранения и листов при ссылке на него не приводятся.

⁸ Бунинские материалы в архивах Советского Союза // Лит. наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 448.

⁹ См.: *Иванова-Гладильщикова Н.* Детективная история с открытым финалом. Как вернуть в Россию архив Ивана Бунина // *Известия*. 2001. 12 янв. № 3 (25841). С. 11.

¹⁰ Многолетняя дружеская переписка связывала Зурова с еще одним пушкинодомцем — Владимиром Ивановичем Малышевым (1910–1976), археографом, историком древнерусской литературы, основателем Древлехранилища в ИРЛИ. См.: «Знаю, что вы любите древний Псков»: Переписка Л. Ф. Зурова и В. И. Малышева (1957–1971) / Предисловие, подг. текста и комм. А. М. Любомудрова // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына*, 2016. М., 2016. С. 441–517.

¹¹ См.: *Бабореко А. К.* Дороги и звоны. С. 98–109. Новые факты приведены в публикации: *Максименков Л.* Битва за Бунина. Как советские власти готовили возвращение живого классика в Россию // *Огонек*. 2020. № 42. С. 38–40.

¹² *Бабореко А. К.* Дороги и звоны. С. 98–109; *Костомарова И. А.* Судьба парижского архива И. А. Бунина // *Тургеневский ежегодник 2016–2017*. Орел, 2018. С. 352–362.

и бунинской теме, многолетняя дружеская переписка. Назарова, можно сказать, курировала своего орловского коллегу, составляя программу действий и призывая его к большей решительности: «Напишите-ка еще раз К. А. Федину и затем Е. А. Фурцевой. <...> „И капля камень точит“, а Вы ведь и не капля, а директор музея! Крепко жму Вашу руку!»¹³ Афонин, как прилежный ученик, выполнял задания, копии своих обращений присылал Назаровой, получая ее одобрение.

Видя, что дело не движается, Назарова сама обращается за содействием к известным ленинградским литераторам, Андроникову и Раковскому, а также к директору Гослитмузея Н. Ф. Пияшеву. О предпринятых ими шагах она информирует и Зурова, и Афонина. В декабре 1961 года пишет в Париж: «К сожалению, Л. Н. Афонин до сих пор не получил ответа на свое письмо в Министерство культуры СССР. Он собирается написать в самые высокие инстанции... Л. И. Раковский также не получил письма-ответа от К. А. Федина. <...> Дорогой Леонид Федорович, только не подумайте, что мы ничего не предпринимаем и не делаем в отношении вещей И. А. Бунина. Мне трудно объяснить это в письме, но поверьте, что все это не так легко выполнить, как это, может быть, кажется Вам».¹⁴ Видя безрезультатность попыток достучаться до чиновников, Назарова советует Афонину пойти на крайнюю меру: «Мне кажется, дорогой Леонид Николаевич, что Вам следовало бы теперь обратиться (по поводу бунинских вещей) непосредственно к Н. С. Хрущеву и одновременно в ЦК с жалобой на то, что Министерство культуры до сих пор ничего не ответило на Ваше заявление <...> Л. Ф. Зуров очень надеется именно на Вас!»¹⁵ Генеральному секретарю компартии Афонин не написал, но в Москву съездил и поделился с Назаровой и Мануйловым своими впечатлениями от встреч с партийными функционерами.

Соратником и единомышленником Назаровой в попытках получить бунинский архив стал ее старший коллега и друг, к тому времени авторитетный ученый Виктор Андроникович Мануйлов.¹⁶ Он прекрасно понимал ценность наследия нобелевского лауреата и вскоре после кончины Буниной предложил Зурову передать архив в Рукописный отдел Пушкинского Дома: «Это было бы самое верное и достойное место хранения и изучения. Сейчас на месяц уехал в Париж академик Михаил Павлович Алексеев.¹⁷ В Посольстве, конечно, знают его парижский адрес. Может быть он обратится к Вам сам, а м<ожет> б<ыть> Вы сообщите ему, если захотите встретиться, чтобы выяснить вопрос о материалах Веры Николаевны».¹⁸ И такая встреча состоялась. Летом 1961 года Алексеев во время своей командировки в Париж навестил Зурова, передал ему подарки от сотрудниц Пушкинского Дома. Он помог в перевозке обстановки бунинских комнат в хранилище, а также привез в институт фотографии интерьера квартиры. Зуров отзывался о его визите: «Михаил Павлович Алексеев всех очаровал».¹⁹

В начале 1960-х годов Мануйлов постоянно запрашивает Зурова о том, как обстоит дело с передачей вещей, разбором архива, и обещает свою помощь. Так, в письме от 13 марта 1962 года сообщает: «...принял самые энергичные меры. Связался с директором Орловского музея Л. Н. Афонинным. Завтра он уезжает в Москву с рядом решительных писем в весьма авторитетные инстанции и добьется того, что завещанные Советскому Союзу вещи Ивана Алексеевича будут отправлены нашим посольством для помещения их в Орловском музее. Прошу Вас держать меня в курсе всех дальнейших

¹³ Письмо Л. Н. Назаровой к Л. Н. Афонину от 2 ноября 1961 года // ИРЛИ. Ф. 851.

¹⁴ «Сердца открылись...». С. 620.

¹⁵ Письмо Л. Н. Назаровой к Л. Н. Афонину от 3 января 1962 года // ИРЛИ. Ф. 851.

¹⁶ В 1960-е годы ИРЛИ не был основным местом работы Мануйлова, но называть его «пушкинодомцем» можно с полным правом: в общей сложности ученый проработал в институте более десяти лет, в годы блокады спасал музейные, архивные ценности и само здание Пушкинского Дома, постоянно сохранял тесные научные связи с ИРЛИ и участвовал в его изданиях.

¹⁷ Литературовед, академик АН СССР, зам. директора ИРЛИ по научной работе, Алексеев летом 1961 года был командирован во Францию для ознакомления с архивами Тургенева.

¹⁸ Любомудров А. М. «Все простое и ясное было кем-то превращено в невероятно сложное»: Переписка Л. Ф. Зурова и В. А. Мануйлова (1961–1967) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 132.

¹⁹ «Сердца открылись...». С. 613.

событий. Если будет какая-либо еще задержка, извещайте меня немедленно».²⁰ На следующий же день Зурову отправляет письмо и Назарова: «...приехал Леонид Николаевич Афонин и сообщил мне, что получил письменный ответ на свои обращения в Министерство культуры СССР. Ему написали, что советское посольство в Париже согласно отправить вещи И. А. Бунина в г. Орел для музея И. С. Тургенева, а Л. Ф. Зуров согласен передать их в посольство. Л. Н. Афонин будет сам писать Вам об этом. <...> Возвращаясь снова к вопросу о вещах И. А. Бунина, я хотела еще сообщить Вам о том, что Н. Ф. Пияшев,²¹ которому я написала подробное письмо, ответил мне 17.1.62 г., что „отослал в посольство письмо, но, что из этого выйдет, аллах ведает“. Я его просила мне сообщить, когда будут известия, но пока ответа нет».²²

Фраза «ответа нет» все чаще звучит в переписке. Настроения, обладавшие во властных инстанциях по отношению к Зурову, наблюдал Афонин во время своей поездки в Москву. Он подробно изложил их в письме к Мануйлову²³ от 19 марта 1962 года: чиновники из аппарата ЦК говорили о корыстолюбии Зурова и малоценности архива, опираясь на сведения Л. В. Никулина,²⁴ и Афонин приложил немалые усилия, пытаясь их переубедить. Ему обещали, что от Союза писателей в советское посольство в Париж будет направлена телеграмма с просьбой ускорить приобретение вещей, но это был откровенный обман. Из Союза писателей в Париж ушел документ совсем иного содержания — записка секретаря правления Союза писателей К. В. Воронкова советскому послу во Франции С. А. Виноградову от 4 апреля 1962 года. Воронков, отвечавший за идеологические вопросы и курировавший переговоры о бунинском наследстве, рекомендовал посольству не выплачивать никаких денег Зурову — на том основании, что Зуров якобы ведет «тактику различных домогательств и попыток сбыть нам ненужные вещи».²⁵

Не посвященный в суть этих интриг, Зуров шлет в Пушкинский Дом обнадеживающие письма: «Благодаря Вам, — пишет он Мануйлову 14 апреля 1962 года, — дело сдвинулось с мертвой точки. У меня был представитель культурного отдела посольства Пастухов, долго со мной беседовал. Спросил, каковы мои условия, просил меня составить подробную опись не только находящихся на складе вещей, но и хранящихся у меня, и подготовить вещи для передачи, сказал, что через 2 недели он мне позвонит. Этот срок уже прошел, но звонка еще не было. Отложив все дела, я взялся за составление подробных описей. Копии Вам посылаю».²⁶

Звонка так и не последовало. Очередные переговоры вновь закончились ничем. Однако Мануйлову удалось добиться от Зурова составления описи бунинских мемуарий. Эту подробную опись вместе с планом квартиры ученый получил в апреле 1962 года и благодарил корреспондента: «План будет сфотографирован, опись перепечатана,

²⁰ Любомудров А. М. «Все простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». С. 146.

²¹ Николай Федорович Пияшев (1923–2004) в 1960–1966 годах был директором Гослитмузея. В письме к Зурову от 16 июня 1961 года он предлагал передать в музей все наследие Бунина, включая вещи, мебель, рукописи и книги: «У нас это все может сохраниться, а у Вас в Париже может затеряться и в конце концов пропасть» (Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (далее — ДРЗ). Ф. 3. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 91. Л. 24).

²² Письмо Л. Н. Назаровой к Л. Ф. Зурову от 14 марта 1962 года // «Сердца открылись...». С. 623.

²³ ИРЛИ. Ф. 713.

²⁴ Писатель Лев Вениаминович Никулин (1891–1967) неоднократно бывал за границей, встречался с Буниной и Зуровым, вел переговоры о приобретении архива. Неоднозначная роль Никулина в «бунинском деле» очерчена, в частности, в публикации В. Хазана: «Ваше письмо... меня очень, очень тронуло»: Переписка С. Ю. Прегель с Л. В. Никулиным и П. Л. Вячеславовым / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. В. Хазана // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры. V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». М., 2015. С. 405–407.

²⁵ Черниговский Д. Е. «Советская хроника» Ивана Бунина // Роштин М. М. Иван Бунин. М., 2000. С. 325–326.

²⁶ Любомудров А. М. «Все простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». С. 148.

и все эти материалы я передам в Пушкинский Дом и Л. Н. Афонину в Орловский музей. Это представляет несомненную ценность. Л. Н. Афонин ждет не дожидается все эти вещи поместить в специальной бунинской комнате в Орловском литературном музее. Покажите это мое письмо товарищам из нашего посольства, конечно, если в этом будет необходимость. <...> Союз писателей, „Литературная газета“ давно следят за этим делом, и всем нам непонятно и неприятно, что дело так затянулось. Министерство культуры давно уже сообщило Министерству иностранных дел свое мнение о том, что эти вещи, завещанные Советскому Союзу, в самое ближайшее время должны быть перевезены в Орел. Поэтому смело и решительно напоминайте работникам посольства о необходимости срочно довести дело с бунинскими вещами до конца».²⁷

Пересылая опись Афонину, Мануйлов говорит о потенциальной ценности каждого предмета: «Конечно, много бытового мелкого мусора на первый взгляд нет необходимости мемориально консервировать. Но, как знать, может быть все это через несколько лет уже приобретет большую историко-бытовую ценность и понадобится комментаторам текстов Бунина и историкам быта. Вот почему не только плед Бунина, но и старые ассигнации могут пригодиться, если будут заботливо сохранены в фондах. Пользуясь этой описью, немедленно пишите в Министерство культуры и просите, чтобы посольство препроводило Вам все, а Вы уж разберетесь на месте».²⁸

Спустя год после того, как Зуров стал владельцем наследия, передача меморий так и не началась. Настроение у всех заинтересованных лиц падает. Афонин сетует на «мучительно-нелепую историю с бунинскими вещами», и Мануйлов уже не столь оптимистичен, как прежде: «С большим нетерпением жду известий о судьбе вещей Ивана Алексеевича. Если их до сих пор не взяли, то уж, видно, никакие экстра-меры, принятые нами, не в силах сдвинуть с мертвой точки решение этого, казалось бы, простого вопроса».²⁹ В письмах ученого находим весьма справедливое суждение: «Есть ли какое-либо движение с отправкой вещей квартиры Ивана Алексеевича? Сделано все возможное. Если и теперь движения не будет, Вы, думается мне, имеете полное моральное право поступать по своему усмотрению».³⁰ «Движения» не случилось до самой кончины Зурова, и поэтому он счел себя вправе не менять завещания, согласно которому и бунинское, и его собственное литературное наследие переходило к доценту Эдинбургского университета М. Э. Грин.³¹

Впечатлительного, душевно ранимого Зурова эта многолетняя обширная переписка изматывала, приводила к неврозам и депрессии. Он часто жалуется своим адресатам: «Меня утомил разноречивой. Я все время пытаюсь объединить людей, занятых бунинскими делами. Пастухов, а об этом я уже писал Вам, сказал мне, что бунинские вещи решено взять. Он тогда же спросил меня: „каковы ваши условия?“ На этот вопрос я ему дал ясный и точный ответ. Надеюсь, что Пастухов известил обо всем К. В. Воронкова, с которым связан А. К. Бабореко. Л. Н. Афонин ведет переписку с Бабореко?»³²

В переписке Мануйлова с Зуровым открылось обстоятельство, которое для ученого стало новостью. Долгое время он полагал, что Зуров — лишь посредник в деле передачи наследия, которое Бунина завещала Советскому Союзу. Но Зуров уточнил: во-первых, Бунина завещала вещи и архив лично ему, во-вторых, речь идет не о безвозмездной передаче, а о получении денежной компенсации, в том числе за понесен-

²⁷ Там же. С. 151.

²⁸ Архив Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева (ОГЛИМТ). Ф. 14. Ед. хр. 5788/18 оф. Л. 43. При жизни Зурова вещи Бунина так и не были приобретены Советским Союзом. Они оказались в орловском музее много лет спустя благодаря доброй воле Н. В. Кодрянской и М. Э. Грин.

²⁹ Письмо В. А. Мануйлова к Л. Ф. Зурову от 13 апреля 1962 года // Любомудров А. М. «Все простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». С. 148.

³⁰ Письмо В. А. Мануйлова к Л. Ф. Зурову от 7 апреля 1962 года // Там же. С. 147.

³¹ Завещание Зурова опубликовано: Белобровцева И. З. Леонид Зуров. В тени Бунина. М., 2020. С. 188.

³² Письмо Л. Ф. Зурова к В. А. Мануйлову от 29 мая 1962 года // Любомудров А. М. «Все простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». С. 155.

ные Зуровым расходы. Мануйлов откровенен: «...дело несколько усложняется, тут нужны ассигнования, а получить их сейчас не так-то просто».³³ Однако в 1962 году Союз писателей все-таки переслал в советское посольство 12 000 франков для приобретения и пересылки вещей Бунина в Россию.³⁴ Этот факт остался неизвестным участникам описываемой истории. Зуров так и не получил ни франка.

Между тем к архиву проявила интерес, видимо, под нажимом Назаровой и других коллег, и дирекция Пушкинского Дома. Любопытную информацию обнаруживаем в письме Назаровой к Афонину от 16 апреля 1962 года: «Наш директор (А. С. Бушмин), кажется, решил (наконец-то!) начать хлопоты о рукописях И. А. Бунина. Он ждет официального отношения от Зурова, которому мы об этом сообщили».³⁵ Но такового отношения не последовало.

К переписке о бунинском наследстве подключился еще один сотрудник ИРЛИ, Павел Петрович Ширмаков.³⁶ В письме к Зурову от 3 октября 1962 года он интересуется ходом переговоров с Москвой касательно парижского архива и в случае неуспеха предлагает передать его Пушкинскому Дому (см. Приложение 2). Эту же тему Ширмаков развивает в следующих посланиях от 6 декабря 1962-го и 13 февраля 1963 года.³⁷ Реакция Зурова разочаровала пушкинодомцев. «А теперь о бунинских делах, — делится Назарова с Афониним в письме от 25 ноября 1962 года. — К сожалению, Л. Ф. Зуров отозвался на письмо-запрос научного сотрудника нашего Рукописного отдела (П. П. Ширмакова) лишь тем, что прислал ему какой-то свой оттиск (статью). Ширмаков же каким-то косвенным путем узнал, что Зуров ждет приезда в Париж Бабореко и, очевидно, не хочет пока вести какие бы то ни было переговоры с Пушкинским Домом. Ужасно грустно, что все это дело таким сложным и запутанным сделалось...».³⁸

Назарова была совершенно права. Действительно, Зуров рассчитывал на приезд Бабореко, которому хотел доверить и разбор, и приобретение архива. Кстати, Мануйлов поначалу настороженно отнесся к личности и миссии этого литературоведа, но, обменявшись с ним письмами, увидел в нем порядочного и достойного единомышленника. Один из первых советских буниноведов, Бабореко был хорошо знаком Буниной и Зурову, вел с ними обширную переписку. На протяжении двух лет он обнадеживал Зурова известиями о своем скором приезде, поэтому тот не стремился обсуждать тему архива с кем-то иным. Но поездку ученому так и не разрешили, вместо него во Францию командировали писателя В. Н. Ажаева, миссия которого окончилась полной неудачей.³⁹

Между тем свои обещания Зурову «оказать нажим в этом деле» Мануйлов выполнил, предприняв два важных шага. В письме от 23 сентября 1962 года он обратился к первому секретарю Союза советских писателей Федину, где затронул тему архива: «Есть еще один — третий сюжет, который меня давно и очень волнует. Никак не удастся добиться, чтобы были перевезены из Парижа дневники, записные книжки, прочие рукописи и личные вещи Ивана Алексеевича Бунина, находящиеся сейчас в ведении Л. Ф. Зурова. Я все время переписываюсь и с Зуровым, и с Б. К. Зайцевым. В свое время переписывался с В. Н. Буниной. У меня есть опись того, что там находится. Мне представляется, что товарищи, занимающиеся этим делом в Министерстве культуры СССР и в нашем посольстве, не совсем справедливо относятся к Л. Ф. Зурову и не в полной мере используют свои возможности, чтобы не упустить эту часть наследия Бунина. Если рукописи нужны нашим литературным архивам, то вещи нужны Орловскому Литературному музею (директор Леонид Николаевич Афонин). Дело движется

³³ Письмо В. А. Мануйлова Л. Ф. Зурову от 6 июня 1962 года // Там же. С. 158.

³⁴ Черниговский Д. Е. «Советская хроника» Ивана Бунина. С. 328.

³⁵ ИРЛИ. Ф. 851.

³⁶ Ширмаков Павел Петрович (1919–1994) — кандидат филологических наук, в 1953–1975 годах — сотрудник Пушкинского Дома. Работал в Рукописном отделе, занимался разбором и комплектацией архивов советских писателей.

³⁷ ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 121.

³⁸ ИРЛИ. Ф. 851.

³⁹ Подробнее об этом см.: Бабореко А. К. Дороги и звоны. С. 108; Максименков Л. Битва за Бунина. С. 38–40.

очень медленно и есть опасность, что все это наше и только наше в конце концов уйдет в США. Если это дело Вас заинтересует, готов предоставить в Ваше распоряжение мою переписку с Зуровым, из которой ясно видно, что больше года он никак не может добиться, чтобы все, оставшееся в квартире Бунина, попало бы наконец в СССР. Пишу пока об этом вкратце, опасаясь замучить Вас всеми этими моими горестями. А их у меня немало». ⁴⁰ В ответном письме Федин, морально поддержав Мануйлова, попросил его выслать материалы на имя секретаря Союза писателей Воронкова — куратора «бунинского дела», который, судя по его официальным запискам, был настроен по отношению к Зурову весьма скептически, если не сказать враждебно. ⁴¹

Спустя год В. Мануйлов вновь спрашивает Зурова: «...каковы Ваши дальнейшие намерения, если до сих пор вещи на сохранении и нет движения с их перевозом в СССР? Какие условия Вы сейчас ставите, и как велика сумма, накопившаяся за это время, денег, уплаченных Вами за хранение? Все это мне нужно знать, чтобы еще раз поставить вопрос о перевозе вещей и материалов Ивана Алексеевича в Советский Союз в Министерстве культуры СССР и в других, не менее авторитетных инстанциях». ⁴²

Авторитетной инстанцией, в которую обратился ученый, был Центральный комитет КПСС. В конечном итоге именно там принимались важные решения, в том числе по вопросам науки и культуры. С требованиями приобрести бунинское наследие обращались в ЦК не только Афонин и Бабореко, но и влиятельные литераторы А. Т. Твардовский, А. А. Прокофьев, Л. И. Раковский. Примечательно, что ЦК направил запрос в Пушкинский Дом. Об этом сообщает Назарова в письме Афонину от 30 мая 1963 года: «Дирекция наша на днях получила запрос от Ильичева о том, стоит ли покупать архив И. А. Бунина. Наш сотрудник (из Рукописного отдела) подготовил ответ, кратко охарактеризовав парижские рукописи Бунина, и за подписью членов дирекции он отправлен в Москву. Вероятно, Вам следовало бы сделать то же самое относительно вещей И. А. Бунина, т. е., не дожидаясь даже запроса Ильичева, поставить перед ним этот вопрос». ⁴³

19 декабря 1963 года Мануйлов отправил письмо секретарю ЦК Л. Ф. Ильичеву (см. Приложение 3). ⁴⁴ Это яркий документ, мужественный шаг: ученый прямо возлагает ответственность за остановку переговоров на советские органы. Подробно изложив историю дела, он отвергает мнение о корыстных намерениях Зурова и настаивает на принятии мер к тому, чтобы «как можно скорее благополучно закончилась затянувшаяся печальная история с вещами и материалами И. А. Бунина». Ответа на письмо не последовало.

Несмотря на обращения Твардовского и других маститых литераторов, представителей научной и культурной элиты, те идеологические органы, от которых зависел исход дела, снова и снова тормозили переговоры с Зуровым. Показателен недавно опубликованный документ из партийных анналов — решение Идеологического отдела ЦК КПСС от 19 марта 1963 года. Рассмотрев предложение Федина о приобретении рукописей Бунина, комиссия отклонила его: «Архив находится у белоэмигранта Л. Ф. Зурова. Как выяснилось, Л. Ф. Зуров настроен враждебно к СССР, а имеющиеся у него архивные материалы не представляют большой ценности». Решение подписано влиятельными партийными чиновниками — А. В. Романовым, Д. А. Поликарповым и И. С. Черноуцаном. ⁴⁵

⁴⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 440. Оп. 2. Ед. хр. 355. Л. 3.

⁴¹ Ответ Федина Мануйлов привел в своем письме к Зурову от 27 ноября 1962 года (*Любомудров А. М.* «Все простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». С. 163–164).

⁴² Письмо В. А. Мануйлова к Л. Ф. Зурову от 28 октября 1963 года // Там же. С. 157.

⁴³ ИРЛИ. Ф. 851.

⁴⁴ Ильичев Леонид Федорович (1906–1990) — партийный деятель. В 1958–1961 годах — зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС; в 1961–1965 — секретарь ЦК и председатель Идеологической комиссии ЦК; в 1965–1989 — зам. министра иностранных дел СССР. Академик АН СССР (1962). Автор работ по диалектическому и историческому материализму, внешней политике и международным отношениям.

⁴⁵ Цит. по: *Максименков Л.* Битва за Бунина. С. 39.

Для номенклатуры Бунин по-прежнему оставался идеологически чуждым писателем. В конце 1964 года советская сторона окончательно отказалась от приобретения бунинского наследия. Но эта тема вновь возникает в переписке частных лиц. Корреспонденты Зурова не теряют надежды, вынашивают совместные планы новых акций. Инициативу проявляют Бабореко и Афонин, Мануйлов ее поддерживает. В поисках новых влиятельных союзников Бабореко обращается к Мануйлову: «Глубокоуважаемый Виктор Андроникович! Сегодня я встретился с Вадимом Андреевичем Сафоновым,⁴⁶ говорили об архиве Бунина. Вадим Андреевич согласился с тем, что надо обратиться с письмом в ЦК КПСС — от имени видных деятелей литературы. Я заготовлю письмо на имя Л. И. Брежнева — краткое, с изложением сути дела, и пришлю его Вам. Попытаюсь получить подписи Федина и Твардовского. К вам просьба: заручитесь поддержкой видных ленинградских писателей и ученых».⁴⁷

Вскоре после этой беседы Сафонов сообщил Мануйлову: «Я не забыл о бунинских делах. Дело это вопиющее. Вчера говорил с Косолаповым⁴⁸ и с редактором нового собрания сочинений Бабореко. Они не находят слов. Считают, что время не ждет — можем навсегда упустить бесценное. Говорил с Никулиным. Говорить с ним *нечего*. Буду говорить в Союзе, в „Известиях“, вплоть до ЦК. Что выйдет — не знаю. Старания Никулина (и Ажаева!) были весьма энергичны. Мы вот что решили. Организовать письмо видных писателей — москвичей, ленинградцев, по Ленинграду — при Вашем содействии. Бабореко будет Вам писать. Это необходимо сделать — наш общий долг. Во всяком случае — сделать, что можем. Орловский музей (если не Пушкинский Дом) мечтает о кабинете Бунина («стулья», «рухлядь» — по Никулину). Крепко жму Вашу руку!»⁴⁹

Мануйлов выразил согласие помочь со сбором подписей, выслал Сафонову и Бабореко копии своего письма к Ильичеву. Но новых обращений ученых в высшие инстанции уже не последовало. О неутешительных результатах этих проектов Мануйлов написал Зурову 1 сентября 1965 года: «Недавно в Коктебеле я виделся с В. А. Сафоновым. Он мне рассказал о беседах с В. Ажаевым и с А. К. Бабореко. Общими силами мы предприняли недавно еще одну попытку сдвинуть с мертвой точки вопрос о получении вещей и материалов Ивана Алексеевича, но, как ни трудно этому поверить, дело это снова и снова увязает в непонятном болоте».⁵⁰

После 1965 года вопрос о бунинском наследии в переписке Зурова с пушкинодомцами возникает редко. В письме к Мануйлову от 12 февраля 1967 года Зуров жалуется на новые туманные, расплывчатые обещания Бабореко приобрести мемориальные вещи.⁵¹ Получив это письмо, Мануйлов делится с Афоным: «Я полагаю, что такие безответственные и общие ни к чему никого не обязывающие фразы могут Зурова в его бедственном положении только безмерно раздражать и выводить из себя. Либо надо эти разговоры кончать и признаться, что мы бессильны получить нам принадлежащие и нам завещанные вещи, или наконец возместить расходы, понесенные Зуровым за их хранение, и взять их в СССР. Просто неприличная, позорная история. <...> После того, что я подробно писал Ильичеву и даже не получил ответа, я уже никуда больше обращаться не хочу».⁵²

⁴⁶ В. А. Сафонов (1904–2000) — прозаик, автор около сорока книг; лауреат Сталинской премии третьей степени (1949), Гос. премии СССР (1979).

⁴⁷ Письмо А. К. Бабореко к В. А. Мануйлову от 1 июля 1965 года // ИРЛИ. Ф. 713.

⁴⁸ Косолапов Валерий Алексеевич (1910–1982) — главный редактор «Литературной газеты» (1960–1962) и журнала «Новый мир» (1970–1974), глава издательства «Художественная литература». Поддерживал необходимость получения архива в ряде высших советских инстанций. По совету Бабореко к нему обратился с письмом (от 22 января 1962 года) и сам Зуров, подробно изложив историю переговоров (Русский архив Лидского университета (РАЛ). MS. 1068/3331).

⁴⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 440. Оп. 2. Ед. хр. 1662. Л. 1 об. — 2. Курсивом выделен подчеркнутый автором текст.

⁵⁰ Любомудров А. М. «Все простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». С. 171.

⁵¹ См.: Письмо Л. Ф. Зурова к В. А. Мануйлову от 12 февраля 1967 года // Там же. С. 176.

⁵² Письмо В. А. Мануйлова к Л. Н. Афонину от 21 февраля 1967 года // ИРЛИ. Ф. 713.

Попытки получить архив предпринимались и позже, но уже со стороны редакторов бунинского тома «Литературного наследия», для которого Зуров прислал ряд материалов. В переписке с Зуровым 1969–1970 годов А. Н. Дубовиков и С. А. Макашин постоянно возвращаются к теме бунинского наследия, убеждают его хранителя в том, что оно должно попасть на родину писателя. Однако к тому времени Зуров окончательно отказался от идеи передать архив в СССР. Зайцев писал Назаровой в 1967 году: «...опасаемся, как бы это все просто не пропало у него — ни в Россию, ни в Америку он отдавать не хочет, а все мы под Богом ходим, ему за шестьдесят перевалило, и порядочно».⁵³ В итоге архив и вещи Буниных после кончины Зурова, последовавшей в 1971 году, перешли к Грин.⁵⁴

Мечта жены писателя о создании Бунинского отдела в Пушкинском Доме не осуществилась. Итог многих усилий подвел Мануйлов: «Это одно из самых грустных дел, которыми мне когда-либо приходилось заниматься».⁵⁵

Отдадим должное настойчивости, энергии, целеустремленности и известной смелости, с которой сотрудники ИРЛИ вели многолетние переговоры как с владельцем архива, так и с функционерами, чиновниками и партийной номенклатурой, доказывая ценность наследия нобелевского лауреата и добиваясь, чтобы оно оказалось на его родине.

Ниже публикуются письма из архивов ИРЛИ и ДРЗ, иллюстрирующие участие сотрудников Пушкинского Дома — Назаровой, Ширмакова и Мануйлова — в решении судьбы бунинского наследия. Первое и третье письмо печатаются по машинописным копиям, отложившимся в Рукописном отделе ИРЛИ (Ф. 713), второе — по авторизованной машинописи из архива Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 121). Орфография и пунктуация приведены к современным нормам; ошибки и опiski исправлены без оговорок.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Л. Н. Назарова — Е. А. Фурцевой

Ленинград, 27/XI — 60 г.

Глубокоуважаемая Екатерина Алексеевна!

Недавно (в конце октября — начале ноября с. г.) во время научно-туристической поездки во Францию я познакомилась с проживающей в Париже вдовой замечательного русского писателя Ивана Алексеевича Бунина — Верой Николаевной Муромцевой-Буниной.

В советском консульстве в Париже нам сказали, что В. Н. Бунину травит реакционная русская пресса во Франции за то, что в СССР издаются произведения И. А. Бунина. Позже от сотрудников советского посольства мы узнали, что В. Н. Бунина категорически отказалась продать в Америку архив своего мужа,¹ хотя ей предлагали за него большие деньги. И нам В. Н. Бунина также подтвердила, что архив И. А. Бунина будет передан после ее смерти только в Советский Союз.

Судьба этого архива внушает, однако, серьезные опасения. Дело в том, что В. Н. Буниной, очевидно, около восьмидесяти лет, и она часто болеет. Живет она, если говорить совершенно откровенно, в большой бедности. (В. Н. Бунина получает четыре раза в год небольшие деньги от издательств СССР, переиздающих произведения ее

⁵³ Зайцев Б. К. Собр. соч.: [В 11 т.]. М., 2001. Т. 11. С. 248.

⁵⁴ Считалось, что Зуров завещал бунинское наследие Милице Грин лишь незадолго до своей кончины. Теперь известно, что такое завещание Зуров составил еще в августе 1961 года, но об этом почти никто не знал (*Белобровцева И. З.* Леонид Зуров. С. 188).

⁵⁵ Письмо В. А. Мануйлова к Л. Ф. Зурову от 13 октября 1965 года // Любомудров А. М. «Все простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». С. 172.

мужа,² — других доходов она не имеет). Скромные суммы (очевидно, это получается в результате перевода рублей на франки), получаемые ею, не могут обеспечить даже самого необходимого. Так, например, В. Н. Бунина в ее преклонном возрасте вынуждена сама стирать белье, убирать комнаты и пр. и т. п. Она призналась нам, что не в состоянии отвечать своим многочисленным корреспондентам, так как часто не имеет денег даже на почтовые расходы!

Между тем В. Н. Муромцева-Бунина является автором интересной книги «Жизнь Бунина», основанной на неопубликованных материалах из архива И. А. Бунина. Эта книга была издана в Париже в 1958 г. В СССР имеется, по-видимому, лишь несколько экземпляров этой книги, охватывающей ранний период жизни Бунина (до 1906 г.). Думается (мое мнение разделяют многие писатели и литературоведы Ленинграда, например, Л. И. Раковский, В. А. Мануйлов, Л. В. Крутикова и др.), что эту книгу следовало бы переиздать у нас, в СССР.³

А для того, чтобы обеспечить получение нами архива И. А. Бунина, лучше всего было бы предложить Вере Николаевне Муромцевой-Буниной и проживающему вместе с ней писателю Л. Ф. Зурову возвратиться на родину, в Советский Союз.

При этом были бы обеспечены, к сожалению, вероятно, уже последние годы жизни вдовы и биографа замечательного русского писателя (что бы ни писал о нем И. Эренбург!⁴) И. А. Бунина, а также сохранность для нас — советских людей — его ценного рукописного наследия.

С глубоким уважением

Л. Назарова,

старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, кандидат филологических наук

Адрес: Ленинград, Д-25, Невский пр., д. 114, кв. 25. Назаровой Людмиле Николаевне

P. S.

Адрес Веры Николаевны Буниной: Франция, Париж 16, улица Ж. Оффенбаха, 1. M-me Bounine, 1, rue de J. Offenbach, Paris, 16, France

Ответ Л. Назаровой пришел от секретаря Правления Союза писателей Воронкова, он датирован 4 марта 1961 года:

«Уважаемая Людмила Николаевна!

В Секретариат Правления Союза писателей СССР было переслано Ваше письмо, которое Вы адресовали Екатерине Алексеевне Фурцевой.

Мы сердечно благодарны Вам за заботу о памяти замечательного русского писателя И. А. Бунина и заботу о его вдове.

Хотим сообщить Вам, что Союз писателей подробно извещен о жизни Веры Николаевны. Представители Союза писателей за последние годы неоднократно навещали ее. По нашей просьбе Правительство Советского Союза установило В. Н. Муромцевой-Буниной пенсию, а в феврале т<екущего> г<ода> эта пенсия была увеличена почти вдвое.

К сожалению, Ваше предложение о возвращении Веры Николаевны и Л. Ф. Зурова на родину решить сейчас не представляется возможным по многим обстоятельствам и, прежде всего, потому что Вера Николаевна и Зуров пока еще не изъявили такого желания.

С уважением К. Воронков» (ИРЛИ. Ф. 851).

¹ В последние годы жизни Бунин начал готовить свой архив для передачи на хранение Колумбийскому университету, с тем чтобы в будущем он был перемещен в Россию. По его кончине Бунина прекратила дела с Колумбийским университетом, вернула аванс и стала по частям передавать материалы в СССР (см.: *Максименков Л.* Битва за Бунина. С. 39).

² Начиная с 1956 года Бунина получала от Советского Союза ежемесячную пенсию в размере 70 тысяч старых франков, а также единовременные выплаты в счет гонорара за изданные в СССР произведения писателя.

³ Бунина надеялась, что ее книга «Жизнь Бунина» (Париж, 1958) будет переиздана в России. В 1960 году Вабореко предлагал ее издательству «Советский писатель», хлопотала об издании и Назарова, но печатать ее отказались. Она вышла в России только в 1989 году (*Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина, 1870–1906; Беседы с памятью / Сост. А. К. Вабореко. М., 1989).

⁴ В мемуарах И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» рассыпаны нелюбезные оценки Бунина (покинул родину «с мелкой злобой») и его книги «Воспоминания» (1950): «Бунину захотелось очернить всех писателей, правых и левых, советских и эмигрантов» (*Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь: В 3 кн. М., 2007. Кн. 1. С. 132–133, 384).

2. П. П. Ширмаков — Л. Ф. Зурову

Многоуважаемый Леонид Федорович!

Два года тому назад в Бюллетенях Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР было опубликовано составленное мной описание рукописей и писем И. А. Бунина,¹ хранящихся в Рукописном отделе Института. Тогда же я послал Вере Николаевне отгиск описания бунинских материалов.

От Виктора Андрониковича Мануйлова, Людмилы Николаевны Назаровой и Тамары Павловны Головановой² Институту известно о давних, к сожалению, пока безуспешных Ваших переговорах с московскими архивными организациями относительно передачи парижского архива И. А. Бунина в Советский Союз. Рукописный отдел Института, как и Пушкинский Дом в целом, естественно, не могут оставаться безучастными к судьбе рукописного наследия И. А. Бунина, тем более что у нас хранится, пожалуй, наиболее значительная по сравнению с другими архивохранилищами Советского Союза часть архива И. А. Бунина.

Поэтому прошу Вас, многоуважаемый Леонид Федорович, написать мне или же заведующему Рукописным отделом Николаю Васильевичу Измайлову,³ в каком состоянии находятся сейчас Ваши переговоры с Москвой. Если они почему-либо приостановлены или же далеки от успешного исхода, прошу Вас сообщить Ваши условия передачи парижского архива И. А. Бунина Пушкинскому Дому.

Ни Рукописный отдел, ни дирекция Института, как Вы понимаете, не могут обратиться к Вам официально и начать соответствующие переговоры с вышестоящими академическими учреждениями, пока не будет получено от Вас предварительное согласие. В случае положительного ответа прошу выслать в Рукописный отдел опись хранящихся у Вас рукописей И. А. Бунина, если не подробную, то хотя бы на основные материалы.

Летом этого года Виктор Андроникович Мануйлов передал в Рукописный отдел копии плана парижской квартиры И. А. Бунина и описания мемориальных вещей писателя, любезно присланных Вами Орловскому музею.⁴ Эти материалы очень ценны для Института. Конечно же, в Орле должна быть организована мемориальная комната И. А. Бунина и, насколько я знаю энтузиазм, исключительную любовь орловцев, директора музея И. С. Тургенева Л. Н. Афонина к своему писателю-земляку, эта комната с получением мемориальных вещей будет создана.⁵

Мы в Пушкинском Доме ценим Вашу преданную и терпеливую заботу о сохранении архива и мемориальных вещей И. А. Бунина, Ваше настойчивое стремление к тому, чтобы они были переданы на Родину. Понимаем и те лишения и материальные затруднения, которые приходится Вам претерпевать, сохраняя в целостности все, что связано с дорогим именем И. А. Бунина.

С глубоким почтением
научный сотрудник Рукописного отдела,
кандидат филологических наук

П. Ширмаков

3. X. 62 г.

СССР, Ленинград, В-164, наб. Макарова 4. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Павлу Петровичу Ширмакову (или Николаю Васильевичу Измайлову).

Р. С. Людмила Николаевна Назарова, Владимир Иванович Малышев и Виктор Андроникович Мануйлов просили передать Вам свои сердечные приветы и наилучшие пожелания.

¹ Имеется в виду публикация: *Ширмаков П. П.* Рукописи и переписка И. А. Бунина // Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1959. Вып. 8. С. 115–136.

² Голованова Тамара Павловна (1919–2004) — сотрудник ИРЛИ с 1952-го по 1979 год, специалист по творчеству Тургенева и Лермонтова. Вместе с Назаровой и Кийко встречалась с Буниной и Зуровым в 1960 году.

³ Измайлов Николай Васильевич (1893–1981) — пушкинист, текстолог. На протяжении более тридцати лет заведовал Рукописным отделом Пушкинского Дома. Был председателем текстологической комиссии и членом редколлегии академического издания Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева.

⁴ В действительности опись и план Зуров выслал в конце апреля 1962 года Мануйлову, который отправил их в Орел, а взамен получил копии, которые и отдал в Рукописный отдел ИРЛИ.

⁵ В 1957 году в музее писателей-орловцев открылся бунинский зал. Интерьер парижского кабинета Бунина был воссоздан после получения мебели, присланной Н. В. Кодрянской в дар музею в 1973 году. Кабинет стал частью экспозиции основанного в 1991 году литературно-мемориального музея Бунина.

З. В. А. Мануйлов — Л. Ф. Ильичеву

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
товарищу Л. Ф. ИЛЬИЧЕВУ

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

В Париже, в одной из комнат бывшей квартиры И. А. Бунина у наследника писателя Л. Ф. Зурова находится личная библиотека Бунина, его письма, дневники, записные книжки и другие рукописные материалы, а также личные вещи писателя. Кроме того, под Парижем, в Буживале, вот уже третий год в нетопленном и непригодном складе хранится мебель последней парижской квартиры Бунина. Все это по желанию покойного Ивана Алексеевича Бунина было завещано Советскому Союзу его вдовой Верой Николаевной Муромцевой, которая умерла в Париже 3 апреля 1961 года. Однако все эти ценные и памятные вещи до сих пор не перевезены в Советский Союз и находятся под угрозой или гибели, или продажи их американским антикварам и коллекционерам, которые предлагают Л. Ф. Зурову большие деньги. Пора положить конец недопустимой медлительности Министерства культуры СССР и Посольства СССР во Франции, перевезти бунинские материалы и вещи в Советский Союз и передать их Институту русской литературы и Государственному музею И. С. Тургенева в Орле, где имеется специальная экспозиция, посвященная писателям-орловцам, а среди них представлено и творчество И. А. Бунина.

История дела такова:

Вскоре после смерти В. Н. Буниной-Муромцевой Л. Ф. Зуров, наследник Буниных, обратился с письмом в Гос. музей И. С. Тургенева в Орле к его директору Л. Н. Афонину, в котором писал: «На моих руках остались архивы Ивана Алексеевича и Веры Николаевны. Вся жизнь Буниных: Вера Николаевна мечтала, что когда-нибудь будет создан и музей имени И. А. Бунина. В этот музей я хотел бы передать письменный стол Ивана Алексеевича (за которым работала потом и Вера Николаевна). Он (как и другие вещи Ивана Алексеевича) находится сейчас в нашей парижской квартире (1, rue Jacque Offenbach, Paris, 16^e)».¹

После этого директор музея И. С. Тургенева в Орле Л. Н. Афонин обратился с письмами в Правление Союза советских писателей к К. А. Федину (23 мая 1961 года) и к министру культуры СССР Е. А. Фурцевой (6 ноября 1961 и 23 декабря 1961).² В этих письмах обосновывалась необходимость срочно перевезти в Советский Союз принадлежащие ему материалы и вещи Бунина.

К. А. Федин всячески поддержал Л. Н. Афонина в ответном письме от 3 июня 1961 года, но сообщил, что этим делом должно заниматься Министерство культуры СССР, т<ак> к<ак> в уставе Союза советских писателей такого рода приобретения не предусмотрены, а Е. А. Фурцева поручила заняться бунинскими материалами

и вещами начальнику Отдела внешних сношений В. Степанову, который 15 февраля 1962 года сообщил Л. Н. Афонину (но не в Орел, а в Тулу!): «Мы обратились в Советское посольство в Париже с просьбой помочь литератору Л. Ф. Зурову отправить в Ваш адрес рабочую мебель писателя И. А. Бунина и его архив. Как сообщило посольство, Л. Ф. Зуров готов передать рабочую мебель писателя, и она будет отправлена в Ваш адрес». К счастью, письмо, посланное в Тулу, было переслано в Орел, Л. Н. Афонин письмом от 22 февраля 1962 года к начальнику Отдела внешних сношений уточнил адрес музея И. С. Тургенева в Орле. Казалось, что вопрос о бунинских материалах и вещах разрешен положительно. Однако с февраля 1962 года и до сих пор никакого движения в этом деле не произошло, и Посольство СССР во Франции так и не смогло организовать отправку вещей и материалов Бунина в Советский Союз, в Орловский музей или в Институт русской литературы в Ленинграде.

За вещи, хранящиеся на складе, Л. Ф. Зуров из своих весьма ограниченных средств и с помощью своих друзей, русских эмигрантов,³ платит владельцу склада вот уже третий год. Поэтому теперь Зуров, составивший подробную опись вещей, подлежащих передаче, просит уплатить ему 7500 новых франков в возмещение понесенных им расходов. Кроме того, в эту сумму входят 1310 франков — компенсация расходов, связанных с похоронами В. Н. Муромцевой-Буниной.

Для того чтобы ускорить решение затянувшегося вопроса о передаче бунинских вещей и материалов в Советский Союз, Союз советских писателей предполагал командировать в Париж А. К. Бабореко, хотя все можно было уладить через наше Посольство в Париже, но поездка Бабореко не состоялась, а Посольство ограничилось тем, что представители Посольства тов. Пастухов, а затем О. А. Поленов посетили Л. Ф. Зурова в бывшей бунинской квартире. Об этом последнем посещении Зурова советник Посольства СССР во Франции 19 апреля 1962 года писал начальнику отдела внешних сношений Министерства культуры СССР В. Т. Степанову:

«На Ваши №№ 461 от 15.2.62 и 653 от 2.3.62 г. сообщаем Вам, что во время беседы атташе Посольства Поленова О. А. с литератором Зуровым Л. Ф. у него в квартире относительно передачи мебели, личных вещей и архивов писателя Бунина И. А. выяснилось следующее.

Мебель из квартиры Бунина И. А. (шкафы, столы, кресла и др.) хранятся на складе в течение почти целого года. По словам Зурова Л. Ф., условия хранения плохие, так как склад не отапливается. Зуров Л. Ф. регулярно платит за хранение мебели.

Личные и мемориальные вещи Бунина И. А. (одежда, картины, письменные принадлежности, чемоданы, трости и др.) хранятся в квартире Зурова Л. Ф. и содержатся в плохом состоянии.

Архивы Бунина И. А. (его личная библиотека, письма и дневники) хранятся также на квартире Зурова Л. Ф. в неразобранном виде.

Зуров Л. Ф. согласен вначале продать нам мебель и личные вещи Бунина И. А., при условии, что при передаче их ему заплатят (исключая расходы на упаковку и перевозку) 7500 новых франков.

Зуров Л. Ф. согласен составить список вещей с краткой их характеристикой, приложить к нему план и фотографии квартиры Бунина И. А. и передать все по списку квалифицированному специалисту, который бы принимал вещи, следил за упаковкой и отправкой.

Зуров Л. Ф. отказался принять 1310 новых франков, переведенных на его имя Министерством социального обеспечения РСФСР для компенсации расходов, связанных с похоронами В. Н. Муромцевой-Буниной, заявив, что он включает эти расходы в указанную выше сумму 7500 нов<ых> фр<анков>.

Архивы Бунина И. А. после их разборки и приведения в порядок Зуров Л. Ф. предполагает продавать нам по частям, явно преследуя этим корыстные цели. Зуров Л. Ф. не сообщил, какую сумму он хочет получить за архив. Мы будем поддерживать связь с Зуровым Л. Ф. для решения вопроса о сроках разборки архива и условиях приобретения.

По получении списков мебели и вещей, которые думает передать нам Зуров Л. Ф., мы их Вам вышлем.

Советник Посольства СССР во Франции

В. Вдовин».⁴

Не будучи лично знаком с Л. Ф. Зуровым, я переписываюсь с ним с 1961 года и из его писем могу установить, что советник Посольства СССР во Франции В. Вдовин не совсем верно понимает настроения Л. Ф. Зурова и его требования. Список вещей, подлежащих передаче, находится в архиве Института русской литературы Академии наук СССР в Ленинграде, в Музее И. С. Тургенева в Орле и у меня (в копии). Л. Ф. Зуров имеет все основания быть недовольным столь затянувшимися с ним переговорами о передаче бунинских вещей и материалов в Советский Союз. Он вправе ставить вопрос о возмещении понесенных расходов за хранение вещей на складе в Буживале. Никаких корыстных целей Л. Ф. Зуров, на мой взгляд, не преследует. Больше того, с ущербом для себя он продолжает хранить вещи и материалы и отказывается продать их кому-либо на сторону. Если мы по нашей нерасторопности затянули отправку вещей Бунина из Парижа в Советский Союз, вряд ли целесообразно перекладывать ответственность за эту задержку на Л. Ф. Зурова.

Прошу Вас принять необходимые меры, чтобы как можно скорее благополучно закончилась затянувшаяся печальная история с вещами и материалами И. А. Бунина и чтобы наконец они оказались бы в Орле, что, несомненно, имело бы хороший резонанс в нашей стране и за ее пределами.

Буду весьма признателен за ответ.

19 декабря 1963

В. Мануйлов

Мануйлов Виктор Андроникович, член КПСС с 1945 года, п/б № 00548934, доцент кафедры русской литературы филологического факультета Ленинградского гос. университета, Ленинград С-36, 4-я Советская, 31, кв. 12.

¹ Из письма Зурова Афонину от 30 апреля 1961 года // ОГЛИМТ. Ф. 14. Ед. хр. 5788/7 оф. Л. 2–2 об.

² Эти письма хранятся в ОГЛИМТ (Ф. 14. Ед. хр. 5788 оф.).

³ В письме к Никулину от 28 июля 1961 года Зуров сообщает, что при содействии И. В. и Н. В. Кодрянских на склад были перевезены мебель, портьеры, пледы и дорожный чемодан Бунина. Деньги за перевозку (10 000 франков) и хранение (6000 франков) заплатили Кодрянские (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 84. Л. 15 об.). Впоследствии в оплате складских услуг принимала участие и С. Ю. Прегель (см.: «Душевно Ваша С. Прегель»: Переписка С. Ю. Прегель с Л. Ф. Зуровым, 1938–1971 гг. / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. П. А. Трибунского и В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014/2015. М., 2015. С. 525).

⁴ Копию этого документа Мануйлов получил от Афонина, которому В. Т. Степанов отправил ее вместе с сопроводительной запиской 14 июня 1962 года (ОГЛИМТ. Ф. 14. Ед. хр. 5788/22 оф. Л. 47–49). Донесение Вдовина опубликовано: Черниговский Д. Е. «Советская хроника» Ивана Бунина. С. 326–327.